

Не случайно, может быть, в письме к брату, где Достоевский пишет, что сидит за "работой в "Русский вестник" (то есть за "Селом Степанчиковым..."), читаем следующее: "У Шекспира, говорят, не было помарок в рукописах. Оттого-то у него так много чудовищностей и безвкусыя, а работал бы — так было бы лучше⁵".

Очевидно, для Достоевского конца 1850-х годов Шекспир на какое-то время перестал быть "богом", и явились даже злые насмешки над гамлетовскими "общечеловеческими" страданиями, над "шекспировскими фантазиями", за которые слишком жестоко пострадал сам Достоевский и вместе с тем убедился, что реальная человеческая драма и трагичнее, и сложнее всех шекспировских драм. В этом смысле слова Марьи Александровны, что "Шекспир не разобрал бы в нашей жизни ни строчки", были истиной для творческого сознания Достоевского тех лет. Может быть, традиционные границы и условности искусства даже в шекспировском масштабе перестали удовлетворять Достоевского?

Еще в начале 1860-х годов гамлетовские "высокие идеи" продолжают быть для Достоевского символом идеального мечтательства, которое неминуемо приводит человека к гибели, "к синильной кислоте". В своей циничной и откровенной исповеди князь Валковский, "новый русский характер" (по позднему определению Достоевского — несомненно "хищный тип"), умный и образованный, противопоставляет себя именно Гамлету: "Вы скажете: это Гамлет, это грозное отчаяние, одним словом, что-нибудь такое величавое, что нам и не приснится никогда. Но вы поэт, а я простой человек и потому скажу, что надо смотреть на дело с самой простой, практической точки зрения". Валковский (в отличие от других, будущих "хищных типов" Достоевского) однолинеен в своей отвратительности. Это — "строгий" анти-Гамлет. В этом "практицизме" и отсутствии нравственных сомнений видит пока Достоевский корень его поразительной живучести. Он действительно доживает "до восьмидесяти лет", в то время как гамлетовский мечтатель Ваня умирает в больнице, всеми оставленный.

5. Ф.М. Достоевский. Письма, т. 1, стр. 236.